

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 160 (3344)

Понедельник, 27 декабря 1954 г.

Цена 40 коп.

Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза

Второй всесоюзный съезд советских писателей шел свой горячий привет Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

Мы, представители многонациональной литературы нашей великой Родины, приносим свою благодарность родной Коммунистической партии за ее мудрую заботу о неустанным движениям нашей литературы вперед, к новым достижениям и победам.

Советский народ, вдохновляемый и руководимый Коммунистической партией, неустанно развивает тяжелую индустрию — основу социалистической экономики, всемерно укрепляет могущество Советского государства; впервые в истории мира в нашей стране на благо людям начинает служить несметная энергия атомного ядра; в короткий срок создаются одна за другой гидростанции на самых полноводных реках — Волге, Оби, Ангаре; в течение одного лишь сельскохозяйственного года подняты целинные, давно или никогда не паханные земли, общей площадью более 17 миллионов гектаров. Все это происходит в стране, где учатся все, где число студентов вузов дошло до двух миллионов человек.

Братские народы Советского Союза достигли бурного расцвета и подъема всех своих материальных и духовных сил. Трибуна нашего съезда была трибуной братского содружества художников слова, творящих на разных языках, но объединенных единой целью — борьбой за построение коммунизма, за мир и дружбу между всеми народами.

Сбылись слова нашего Горького о том, что «второй съезд советских литераторов будет украшен многими десятками литераторов Запада и Востока, литераторов Китая, Индии... Прогрессивные писатели всего мира, наши друзья и гости из стран народных демократий, из капиталистических стран, принесли нам свое слово дружбы и привета, вместе с нами подняли голос за жизнь, против смерти, против прискорбных темных сил, готовых втянуть народы в войну».

Разлагающийся капиталистический мир стремится ввергнуть человечество в состояние духовной нищеты, моральной деградации. Литература империализма пытается принизить человека, возбудить низменные инстинкты, зачеркнуть вдохновенный горьковский лозунг: «Человек — это звучит гордо!»

Непоколебимой верой в человека и в светлое будущее человечества овеяны произведения нашей литературы с первых лет ее возникновения. Простым людям всех стран стали близки и дороги образы ее героев — борцов за счастье всего человечества. Сила нашей литературы — в кровной ее связи со всей жизнью, со всеми мыслями, чувствами и подвигами народа, с героической борьбой Коммунистической партии.

Советская литература неотделима от целей Великой Октябрьской социалистической революции. История нашей многонациональной литературы представляет собой картину развития социалистического строя, картину народной борьбы, исполненной больших трудностей, картину больших побед, добываемых в суворой борьбе.

В своих романах и повестях, поэмах и пьесах, в стихах и песнях советские писатели стремятся выразить правду действительности в ее революционном развитии.

В новом Уставе Союза писателей СССР, принятом на Втором всесоюзном съезде, мы сказали о высоком назначении литературы социализма:

В условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму неизменно возрастает общественно-преобразующая и воспитательно-активная роль советской художественной литературы.

Советская литература призвана в высокой художественной форме раскрывать красоту и величие идей коммунизма, действенно борясь с пережитками капитализма в сознании людей, всплещать в образах своих героев все многообразие их трудовой деятельности, общественной и личной жизни, смело показывать жизненные противоречия и конфликты. Советская литература не только отражает новое, но и всемерно помогает его победе.

Советская художественная литература призвана со всей революционной страстью воспитывать патриотические чувства советских людей, укреплять дружбу между народами, содействовать дальнейшему сплочению могучего лагеря мира, демократии и социализма, утверждать идеи пролетарского интернационализма и братской солидарности трудящихся.

В этих словах нашего нового Устава выражены не только наши стремления, но и то, чего уже достигла советская социалистическая литература. За эти черты нашей литературы и любят ее народный читатель — строитель коммунизма. Благодаря этим чертам многие книги нашей литературы на всю жизнь — в годы мира и в годы войны — становятся другом и спутником советских людей.

Второй всесоюзный съезд советских писателей

Прием в Большом Кремлевском дворце в честь иностранных писателей — гостей Второго всесоюзного съезда советских писателей

Н. М. Шверник, П. Н. Поступов, М. А. Суслов, иностранные писатели, принимавшие участие в работах Второго всесоюзного съезда советских писателей, делегаты съезда, деятели науки и искусства, представители прессы.

Для участников приема был дан большой концерт.
Прием прошел в теплой, сердечной обстановке.

Вчера закончил свою работу
Второй всесоюзный съезд
советских писателей

На заключительном заседании Второго всесоюзного съезда советских писателей в Большом Кремлевском дворце.

Фото В. Леонова

Вчера в Большом Кремлевском дворце

Второй всесоюзный съезд советских писателей, продолжавшийся двенадцать дней, вчера закончил свою работу.

С середины дня, группами и поодиночке, в Кремль стекались делегаты гости съезда. Ночью выпал снег, ели, растущие вдоль кремлевских стен, сгибаются под тяжестью белых хлопьев, — разве придумать лучший фон для съемки? Здесь «подкармливают» делегатов съезда операторы кинохроники, здесь украинский писатель фотографирует на память казахских токарьниц, с которыми он подружился за время работы съезда. С первого взгляда видно, что на съезде распределились, окрепли дружеские связи писателей многих республик, краев, областей. Теперь здесь больше знакомых между собой писателей, чем в день открытия съезда, они обмениваются приветами и книгами с автографами, делаясь творческими планами.

Работа съезда протекала в последние дни 1954 года. И в канун нового года мысли делегатов и писателей-гостей обращены в будущие книги, к еще не написанным произведениям. Напряженный творческий труд, создание новых произведений, отвечающих возросшим духовным запросам народа, — вот чем жалеют писатели на решении съезда.

К четырем часам дня делегаты и гости занимают места в зале Большого Кремлевского дворца. Дружными аплодисментами встречаются собравшиеся на президиуме съезда. В правительственный ложе — секретари Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза — П. Н. Поступов и М. А. Суслов.

Один из старейших советских писателей Федор Васильевич Гладков открывает заключительное заседание Второго всесоюзного съезда советских писателей. Председатель счетной комиссии П. Скобцев оглашает состав руководящих органов Союза писателей СССР. В состав входят

Мы непоколебимо верим в то, что неугасимый огонь нашей общепральной дружбы, нашего общего творчества, огонь наших сердец будет широко светить народам всех стран в их борьбе за мир во всем мире.

Чистый огонь нашего творчества рассеивает мрак над всем земным шаром!

Весь зал поднимается в едином порыве, когда Константин Федин зачитывает от имени Второго всесоюзного съезда писателей текст обращения к Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза. В нем выражены современные думы и помыслы всех делегатов съезда — поэтому так искренен их порыв, так горяч и продолжительны аплодисменты.

Бурный оваций встречают собравшихся здравницу в честь Коммунистической партии Советского Союза и ее Центрального Комитета.

В заключительном слове Федор Гладков, подводя итоги съезда, подчеркнул, что «здесь слезла вся страна, все прогрессивное человечество».

— Думаю, что не ошибусь, если скажу сегодня от нашего общего имени Центральному Комитету Коммунистической партии: наш съезд прошел по-новому, под знаком объединения всех наших сил для решения предстоящих великих задач.

Нет для писателя большего счастья, говорят в заключение Ф. Гладков, чем жить, созиная, что есть в мире наша партия, которая сделала литературу частью общепральной драмы, что есть в мире такой народ, как советский народ, строящий коммунизм.

Пожелав собравшимся новых творческих успехов в работе, председательствующий Ф. Гладков объявляет об окончании работы съезда.

Его слова покрываются дружными аплодисментами делегатов и гостей.

Речь Павла Тычины

Дорогие друзья!

Советские писатели, делегаты этого съезда, поручили мне еще раз приветствовать вас, посланцев зарубежных литератур, и в вашем лице приветствовать

всех передовых писателей земного шара!

Съезд наше приходит к концу. Когда сейчас окидывает мысленным взглядом всю его работу, видишь, какой большой вклад в нее сделали вы, наши дорогие друзья и гости, своими выступлениями и самим фактом своего участия в нем.

Мы подводили на этом съезде итоги своей двадцатилетней работы. Эти годы были годами роста и расцвета советской литературы. Но эти же два десятилетия ознаменовались ростом и расцветом прогрессивной литературы всех стран мира, той боевой, мужественной и прекрасной в своем мужестве литературы, которая твердым голосом говорит человечеству: здравствуй!

Эти годы обогатили прогрессивные литературы мира новыми именами, которые с гордостью произносят все читающее и мыслящее человечество. В этом росте прогрессивной литературы, который мы наблюдаем в великом Китае, в капиталистических странах Европы и Азии, в Латинской Америке, в Соединенных Штатах и в других странах мира, сказался великий процесс сплочения всех миролюбивых сил земного шара перед лицом угрозы новой войны.

Людые друзья, с одними из вас нас связывает общность мировоззрения и общность судьбы, выдержанная тяжелые испытания в дни классовых битв и в дни наше-

ний мир на земле, как сберечь все культурные сокровища, накопленные человечеством, от угрозы варварского уничтожения в новой атомной войне, подготовленной империалистами.

И как бы ни были различны убеждения некоторых из нас, я думаю, не ошибусь, если скажу, что на этом съезде нас объединили дороги всем нам великих идей гуманизма, мира и дружбы народов.

(Аплодисменты).

По поручению всех моих товарищей, со-дружеских делегатов, я сердечно благодарю выступивших здесь наших коллег Анну Зегер, Марину Майерову, Эльзу Триоле, Диану, Пабло Неру, Луи Арагона, Жаку Илье, Жоржи Амаду, Али Саада, Джафари, Джека Линдса, Лену Круковского, Лимитра Шутерика, Ариета Раденского, Петера Вереша, Михаила Бенюка, Ли Гена, Яна Дрих, Дамлинсона, Эрнста Финера, Марина Франкиевича, Тойи де Фриза, Оскара Парланда, Игната Дин Тхи, Ахмада Аббаса, Николаса Гильена, Хусейна Мухура, Стефану Гейма, Санду Нафисе, Мавахиба аль-Кайяли, Ярослава Иван-

кевича, Альфреда Гравина — наших друзей, которые вынесли сюда, на трибуну съезда, свою большие и глубокие раздумья о будущем литературы, о достижениях прогрессивных писателей, о сплочении передовых писателей мира, о путях дальнейшего совершенствования нашего творчества.

Мы благодарим славных борцов за мир Поля Робсона и Назыма Хикмета за приветствие, присланное ими слезами.

Такие выступления, как проникновенные слова Луи Арагона, Жоржи Амаду, Джека Линдса, внесли неоценимый вклад в развитие литературной теории, в важнейший вопрос о применении метода социалистического реализма передовыми художниками капиталистических стран.

В своем письме нашему съезду Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза особенно обратил внимание советских писателей на необходимость глубоко изучать достижения передовых представителей литературы мира. Важная мысль! Мы очень рады, что ваши выступления, дорогие друзья, существенно помогли нам решить задачу взаимного обогащения творческим опытом.

Советские писатели, поручившие мне поблагодарить всех вас за ваше творческое, я бы сказал, вдохновенное участие на нашем съезде, наказали мне передать вам нашу общую просьбу: и в дальнейшем крепить связи наших литературу, проползать творческие дискуссии о путях их развития и за пределами этого зала, наказали мне привлечь вас поддерживать с нами живую и постоянную связь. Этому будет способствовать организованный у нас журнал «Иностранная литература».

Наш друг, славный французский поэт Луи Арагон, цитируя Гильома Апполинера, сказал про наших поэтов — они изобрели огонь! Мы хотим сказать нашему славному французскому собрату и всем присутствующим здесь: мы непоколебимо верим в то, что неугасимый огонь нашей общепральной дружбы, нашего общего творчества, огонь наших сердец будет широко светить народам всех стран в их борьбе за мир во всем мире! (Продолжительные аплодисменты).

Пусть огонь нашего творчества рассеивает мрак над всем земным шаром.

До новых творческих встреч, дорогие друзья! (Продолжительные аплодисменты).

Прием в Большом Кремлевском дворце в честь иностранных писателей — гостей Второго всесоюзного съезда советских писателей

Вчера, 26 декабря, правление Союза советских писателей СССР устроило в Большом Кремлевском дворце прием в честь иностранных писателей — гостей Второго всесоюзного съезда советских писателей.

На приеме присутствовали товарищи Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, Н. С. Хрущев,

ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Вчера в Большом Кремлевском дворце

Речь Ф. В. ГЛАДКОВА

Дорогие товарищи, друзья! Мы собрались на Второй наш съезд, чтобы разрешить ряд научных вопросов национальной литературы, неизменно связанных с жизнью нашего народа, с делами и помыслами трудовых людей нашей Советской страны. В течение двадцати дней мы всесторонне обсуждали проблемы литературного творчества, как выражения духа нашего народа, как могучей силы, воздействующей на воспитание человека-творца, строителя коммунизма.

На съезде приходили приветствовать своих писателей и пionеры, и бойцы Советской Армии, и молодая смена рабочего класса — учащиеся школ трудовых резервов. Мы получали телеграммы от рабочих и колхозников, от учителей и врачей, от студентов институтов, от экипажей копейщиков, находившихся в далеких плаваниях, от зимовников полярных станций. Мы получили много приветствий от наших читателей в других странах, от прогрессивных писателей и общественных деятелей — борцов за мир.

Нас радовало это внимание к нашему съезду, но оно и не удивляло нас. Но удивляло потому, что мы знали: все это — результат того, что за тридцать семь лет советской власти литература наша действительно стала частью общенародного дела.

Она неотъемлемо и активно включена в огромный процесс переустройства нашей страны на пути ее мощного движения к коммунизму.

Советская литература борется за нового человека, на наших глазах растущего в социалистическом обществе, и тем самым она борется в конечном итоге за этого нового человека во всем мире.

Наша литература — наследница великих традиций всего гуманистического народного, всего истинно прекрасного, что было создано в классической литературе.

У колыбели русской литературы стоял великий Пушкин, так же, как у истоков литературы братских народов нашей необъятной страны стояли гении их национальных культур.

«Не следует забывать, — сказал о Пушкине Тургенев, — что ему одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные на целый столетий и более, а именно: установить язык и создать литературу».

Пушкин своей деятельности явил в России величайший подвиг, совершив становление литературного языка; он стал родоначальником русской классической литературы.

За двадцать лет, прошедших со времени Первого нашего съезда, который открывал Алексея Максимовича Горького, в нашей стране громадным размахом приобрело развитие всех национальных литератур, в том

числе тех национальных литератур, которые только что зарождались в эпоху Первого съезда писателей или были тогда еще очень молодыми.

В нашей стране стало традицией особо отмечать рождение всего нового, всего еще неизвестного. Позвольте и здесь отметить, что из истекшие годы во многих литературных магазинах по численности, но великих по духу народов Советского Союза, писатели коллективно совершили тот труд, который совершил Пушкин для русского народа: они одновременно установили свой родной литературный язык и создавали литературу на этом родном языке.

Это стало возможным благодаря замечательной национальной политике нашей великой партии коммунистов, и именно благодаря этой политике мы имеем радостную возможность говорить сейчас о нашей литературе, как о литературе, национальной форме и социалистической по содержанию, как о литературе многоязычной и в то же время — единой.

Великий Горький, по выражению Ленина, своим талантом художника принес «рабочему движению России, — да и не одной

России... громадную пользу» и стал родоначальником социалистического реализма в нашей литературе.

Лживому и лицемерному буржуазному ложному — независимости литературы от общества — мы, советские писатели, с гордостью противопоставляем свои высокие идеальные позиции служения интересам трудящихся.

— Да, наша литература гордится своим высокодушным долгом — служением народу, а это обязывает советского писателя глубоко изучать жизнь и познавать внутренний мир людей; трудиться так же, как трудятся все наши люди и новаторы великой страны; он должен обладать марксистско-ленинским мировоззрением и беззаветно бороться за победу коммунизма.

Нам нужна непоколебимая сплоченность, высокая требовательность к себе и строгая самокритика для наиболее полного, всестороннего и художественно совершененного воплощения передовых идей нашего времени.

Главное для нас — владеть своим оружием, иначе говоря, повышать свое идеально-художественное мастерство. А это — дело всей жизни литератора, и никогда ни один из нас, до самой смерти, не сможет сказать: «Я все постиг в своем деле, все свершил, все смог».

Центральный Комитет Коммунистической партии в своем приветстве пожелал успешной работы Второму съезду советских писателей и выразил твердую уверенность в том, что наши писатели отдадут все свои силы беззантанному служению советскому народу, создадут произведения, достойные великого периода строительства коммунизма.

Думаю, что не ошибусь, если скажу сегодня от нашего общего имени Центральному Комитету Коммунистической партии: «Наш съезд прошел по-боевому, под знаком критики и самокритики, под знаком объединения всех наших сил для решения предстоящих великих задач. (Аплодисменты).

Спасибо партии за все, что она сделала для советской литературы. (Аплодисменты).

Нет для писателя большего счастья, чем жить, сознавая, что есть в мире такая партия, которая сделала литературу частью общенародного дела, что есть в мире такого народа, как советский народ, который строит коммунизм во имя счастья трудящихся всегда мира.

Определенная Уставом Союза писателей задача Ревизионной комиссии состоит в том, чтобы проверять, как ведет Союз писателей наше материальное хозяйство, финансовые дела и в каком состоянии находятся все хозяйства Союза.

Бригады писательской общественности (свыше 30 писателей) и специально привлеченные бухгалтеры произвели проверку всех административно-хозяйственных и финансовых организаций СССР.

На основе анализа представленных материалов Ревизионная комиссия считает, что в период между Первым и Вторым съездами администрации-хозяйственная деятельность Союза писателей неизмеримо выросла по объему, создалось большое количество новых организаций. Руководство и контроль за деятельностью этих организаций со стороны Правления Союза пока неудовлетворительны.

Последние указания партии и правительства о необходимости жесткой борьбы с канцелярско-бюрократическими методами работы во всех звеньях аппарата государства и общественных учреждений не нашли еще практической реализации в деятельности аппарата Правления Союза. Недостаточно ведется борьба за упрощение структуры и сокращение аппаратуры.

В работе хозяйственного аппарата Союза чувствуются уход от решения вопросов, чрезмерная терпимость к недостаткам и нарушениям, имеющим место как в центре, так и в подчиненных организациях.

Достаточно подтверждение этого сказать, что потери и непроизводительные затраты во всех организациях Союза по отчетным линиям только за период с 1951 года составили сумму свыше 10 млн. руб.

Подобное состояние финансовых и материально-хозяйственных дел Союза писателей создалось в результате того, что секретариат, который согласно существующему положению должен был заниматься также и основными хозяйственными и административно-организационными вопросами, эти вопросы всерьез не занимался.

В 1954 году состоялось 34 заседания секретариата, на которых рассмотрено 439 вопросов. Наибольшее количество вопросов относится к празднованию юбилеев, проведению вечеров и лекций, а также разбору персональных заявлений об оказании индивидуальной помощи. Надо отметить, что разделение труда между секретариатом и президиумом достаточно отчетливо не было проведено. Заседания президиума за этот же период было 7, количество вопросов, рассмотренных на этих заседаниях, — 28. Хотя, согласно разделению функций между секретариатом и президиумом, вопросы творческой работы должны были обсуждаться по прерогативам президиума, имеются жалобы творческих секций на то, что вопросы руководства ими на президиуме не поступают.

Секретариат до настоящего времени не упорядочил вопроса о переводе в жизнь этого постановления правительства в специфических условиях нашей организации.

Мы полагаем, что когда речь идет о распределении материальных благ, которые партия и правительство выделяют для улучшения материального положения писателей, необходимо для пользы дела участия общественности.

Ревизионная комиссия единогласно считает, что спикеры распределения квартир, заявлениями писателей, учетной картотекой на заявления писателей о жилищности, спикерами писателей, нуждающихся в квартирах, и установила, что многие остро нуж-

Отчетный доклад Ревизионной комиссии

Докладчик Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

Товарищи! Еще при жизни великого основоположника советской литературы — А. М. Горького, после того как образовался Союз советских писателей,

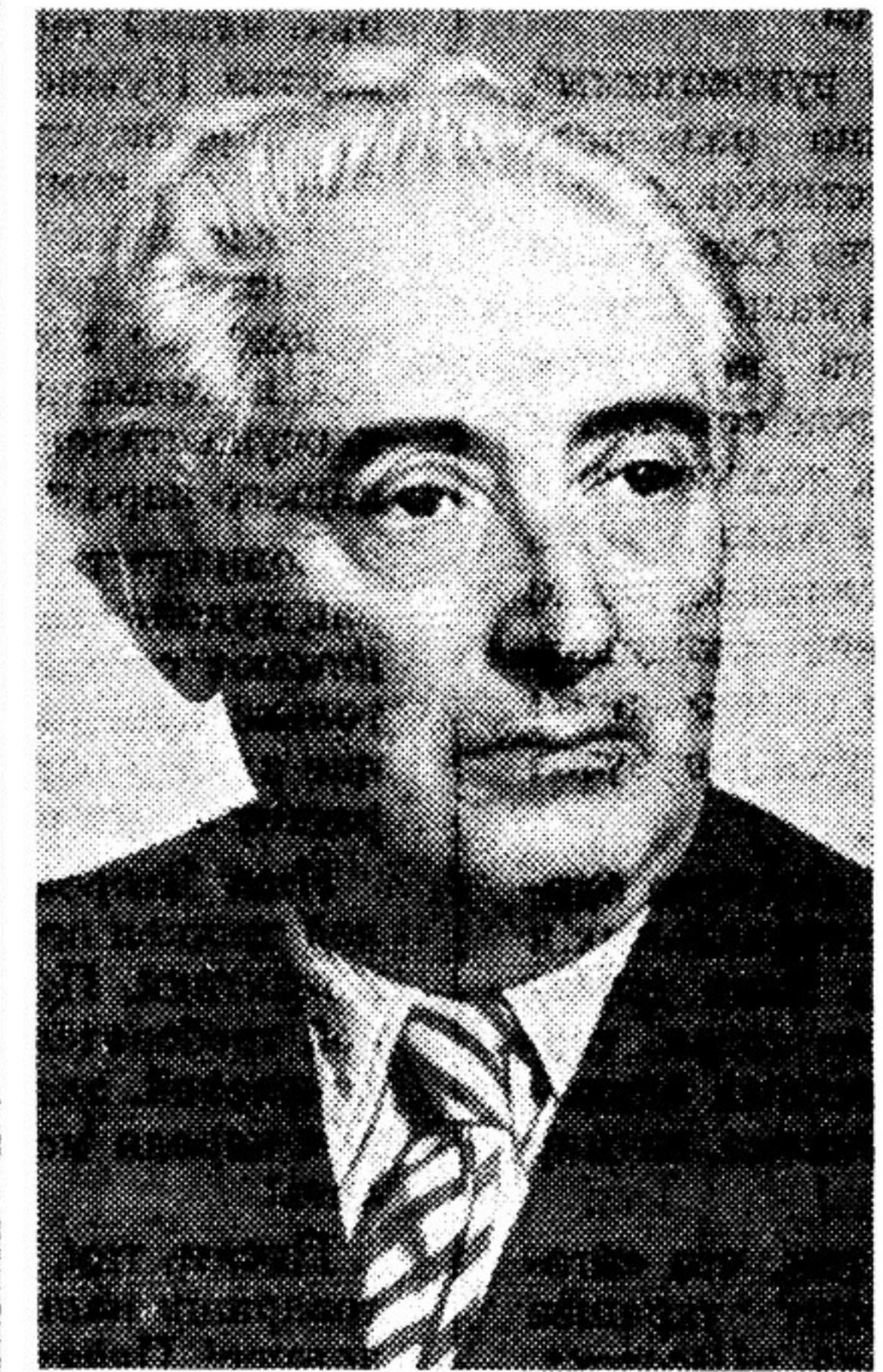
дающиеся в жилищности писатели, несмотря на разобщенность об удовлетворении их нужд, квартиры не получали.

За три года, с 1948 по 1950, от Москвы получено 40 квартир. С 1951 по 1954 год, то есть за три года и четыре месяца, — только 21 квартира. Московет недолг за этот период уже 24 квартиры.

Несколько лучше обстояло дело на периферии. В Минске, Ереване, Кишиневе, построены жилые дома для писателей. В 1955 году должны быть закончены дома в Баку, Баку, Ленинграде, Петрозаводске, Краснодаре.

Согласно данным отчета Литфонда, вы можете убедиться в том, что хотя прямая форма дотации Литфонда из государственных средств прекратилась в 1940 году, государство продолжало нам помогать через посредство всей системы отчислений и доходы Литфонда неуклонно продолжали возрастать. Если в 1935 году они определялись суммой в 7 млн. рублей, то в 1954 году они достигли внушительной цифры в 24 млн. рублей, т. е. возросли более чем в три раза.

Таким образом, благодаря заботе партии и правительства созданы материальные основы для писательской работы. И оглядываясь на прошедшие 20 лет, мы видим, что помощь оказана немалая! За этот период на удовлетворение материальных, культурно-бытовых и творческих нужд писателей, работающих над произведениями на современные темы. Но

эти суммы способствовали появлению ряда интересных по своей идеальной и художественной ценности произведений.

Однако необходимо сказать, что далеко не все средства, ассигнованные на творческие командировках, были израсходованы правильно и рационально. Некоторая часть командировок, судя даже по весьма неполным материалам, была использована неправильно.

Комиссия по творческим командировкам и другие комиссии СССР, во главе с секретарями СССР СССР, недостаточно интересовались результатами командировок. Творческие отчеты по командировкам зачастую пишутся и принимаются формально, а иногда и вовсе отсутствуют.

Союз писателей ассигнуэт на оплату речей различными книг и рукописей ежегодно 500 тысяч рублей. Речи пишутся для приемочной комиссии, в случаях конфликтов автора с издательством, и, наконец, как консультации, о которых просят молодые авторы, нуждающиеся в помощь.

Комиссия по творческим командировкам и другие комиссии СССР, во главе с секретарями СССР СССР, недостаточно интересовались результатами командировок. Творческие отчеты по командировкам зачастую пишутся и принимаются формально, а иногда и вовсе отсутствуют.

Союз писателей ассигнуэт на оплату речей различными книг и рукописей ежегодно 500 тысяч рублей. Речи пишутся для приемочной комиссии, в случаях конфликтов автора с издательством, и, наконец, как консультации, о которых просят молодые авторы, нуждающиеся в помощи.

Комиссия по творческим командировкам и другие комиссии СССР, во главе с секретарями СССР СССР, недостаточно интересовались результатами командировок. Творческие отчеты по командировкам зачастую пишутся и принимаются формально, а иногда и вовсе отсутствуют.

Союз писателей ассигнуэт на оплату речей различными книг и рукописей ежегодно 500 тысяч рублей. Речи пишутся для приемочной комиссии, в случаях конфликтов автора с издательством, и, наконец, как консультации, о которых просят молодые авторы, нуждающиеся в помощи.

Комиссия по творческим командировкам и другие комиссии СССР, во главе с секретарями СССР СССР, недостаточно интересовались результатами командировок. Творческие отчеты по командировкам зачастую пишутся и принимаются формально, а иногда и вовсе отсутствуют.

Союз писателей ассигнуэт на оплату речей различными книг и рукописей ежегодно 500 тысяч рублей. Речи пишутся для приемочной комиссии, в случаях конфликтов автора с издательством, и, наконец, как консультации, о которых просят молодые авторы, нуждающиеся в помощи.

Комиссия по творческим командировкам и другие комиссии СССР, во главе с секретарями СССР СССР, недостаточно интересовались результатами командировок. Творческие отчеты по командировкам зачастую пишутся и принимаются формально, а иногда и вовсе отсутствуют.

Союз писателей ассигнуэт на оплату речей различными книг и рукописей ежегодно 500 тысяч рублей. Речи пишутся для приемочной комиссии, в случаях конфликтов автора с издательством, и, наконец, как консультации, о которых просят молодые авторы, нуждающиеся в помощи.

Комиссия по творческим командировкам и другие комиссии СССР, во главе с секретарями СССР СССР, недостаточно интересовались результатами командировок. Творческие отчеты по командировкам зачастую пишутся и принимаются формально, а иногда и вовсе отсутствуют.

Союз писателей ассигнуэт на оплату речей различными книг и рукописей ежегодно 500 тысяч рублей. Речи пишутся для приемочной комиссии, в случаях конфликтов автора с издательством, и, наконец, как консультации, о которых просят молодые авторы, нуждающиеся в помощи.

Комиссия по творческим командировкам и другие комиссии СССР, во главе с секретарями СССР СССР, недостаточно интересовались результатами командировок. Творческие отчеты по командировкам зачастую пишутся и принимаются формально, а иногда и вовсе отсутствуют.

Союз писателей ассигнуэт на оплату речей различными книг и рукописей ежегодно 500 тысяч рублей. Речи пишутся для приемочной комиссии, в случаях конфликтов автора с издательством, и, наконец, как консультации, о которых просят молодые авторы, нуждающиеся в помощи.

Комиссия по творческим командировкам и другие комиссии СССР, во главе с секретарями СССР СССР, недостаточно интересовались результатами командировок. Творческие отчеты по командировкам зачастую пишутся и принимаются формально, а иногда и вовсе отсутствуют.

Союз писателей ассигнуэт на оплату речей различными книг и рукописей ежегодно 500 тысяч рублей. Речи пишутся для приемочной комиссии, в случаях конфликтов автора с издательством, и, наконец, как консультации, о которых просят молодые авторы, нуждающиеся в помощи.

Комиссия по творческим командировкам и другие комиссии СССР, во главе с секретарями СССР СССР, недостаточно интересовались результатами командировок. Творческие отчеты по командировкам зачастую пишутся и принимаются формально, а иногда и вовсе отсутствуют.

Союз писателей ассигнуэт на оплату речей различными книг и рукописей ежегодно 500 тысяч рублей. Речи пишутся для приемочной комиссии, в случаях конфликтов автора с издательством, и, наконец, как консультации, о которых просят молодые авторы, нуждающиеся в помощи.

авторам страны, осталось неизрасходованное около 150 тысяч рублей. В этом году Литфонд все же несколько улучшил свою работу по оказанию помощи начинающим писателям.

Работа отдела капитального строительства должна быть полностью сосредоточена на важнейших объектах Литфонда: строительство и ремонт санаториев, домов творчества, жилых домов для писателей по точным планам и графикам, но отнюдь не на удовлетворение отдельных капризов «зачехлеводителей» в перестройке арендуемых ими зданий и т. п.

Работа Литфонда в том виде, как она выглядит сейчас, не удовлетворяет требованиям, которые ей предъявляются даже ныне действующим Уставом Литфонда, принятым почти 20 лет тому назад.

Литфонд не стал еще полноценной опорой писателям в его творческой жизни и быте.

Если помимо этого, как консультации, о которых просят молодые авторы, нуждающиеся в помощи, как в поиске новых литераторов, лечения и ряда оздоровительных мероприятий Литфондом кое-что сделано, то вопросы оказания творчес

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТИКОВ СЪЕЗДА

Речь А. А. ФАДЕЕВА МОСКВА

Дорогие товарищи и друзья!

Еще в условиях буржуазного общества Владимир Ильич Ленин мечтал о том, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазной литературой пропагандой представить действительность — свободную, открытое связанную с пролетариатом литературу». Ленин писал тогда: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность».

Мы вправе сказать, что теперь, когда в нашей стране построено социалистическое общество, этот ленинский принцип действительной свободной, открытое связанной с народом литературы осуществлен в наивысшей форме. Идеи коммунизма и глубокой преданности народу вербуют все новые и новые силы в ряды советской литературы. Она создается для миллионов и десятков миллионов людей, создающихся людьми, вышедшими из народа, и отражает жизнь народа в новых условиях его существования.

Мы вправе еще сказать, что литература наша находится на уровне величия дедов народных, но мы вправе сказать, что она беззаветно служит своему народу и уже создала и создает неизходящие художественные ценности, которые можно считать новым шагом в художественном развитии человечества.

В приветствии Центрального Комитета Коммунистической партии нашему съезду, в этом замечательном документе, выдвинувшем перед нами новые большие задачи, сказано о том, что успехи советской литературы после Первого съезда значительны, что «созданы художественные произведения, в которых правило отражены пафос строительства социализма, освирепление патриотов в суровые годы Великой Отечественной войны, тружедовой героям нашим народа в борьбе за послевоенное восстановление хозяйства».

С другой стороны, в приветствии Центрального Комитета говорится: «Наша литература во многом еще отстает от буржуазизирующейся жизни, от запросов читателя, выросшего политически и культурно».

Я нашел нужным процитировать эти строки приветствия и об успехах нашей литературы и об ее отставании, потому что только такой взгляд на состояние нашеей литературы является правдивым и объективным.

Наш съезд проходит под знаком глубокой и серьезной критики и самокритики. Вполне законом и естественно неудовлетворенность писателей результатами своего труда в условиях, когда страна вступила в период завершения строительства социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму и когда так возросло международное, всесоветское значение труда советских писателей.

В известной части своего выступления мне также хочется критически оценить на пройденный нами путь развития. С тем большим правом я позволяю себе не соглашаться с высказываниями отдельных литераторов, склонных рассматривать по последние годы развития советской литературы чуть ли не как сплошное «коттавание».

Я работаю в советской литературе сорок лет, и мне, как и многих писателей моего поколения, уже не раз приходилось высматривать подобные сюжеты. Всякий раз, когда страна переходила на новый, более высокий этап развития, когда стремительный ход нашей жизни особенно подчеркивал, что большая жизнь народа недостаточно широка и полно отражается в произведениях литературы, разделаются отдельные голоса о том, что литература находится чуть ли не «в упадке». На самом же деле литература развивается, мудрее, охватывает все новые области жизни, число литераторов, способных решать сложные художественные задачи, все растет.

Вспомним годы первой пятилетки. Если судить по некоторым журнальным статьям того времени, можно и впрямь подумать, что развитие литературы остановилось. Однако именно годы первой пятилетки дали нам такие произведения, как «Подлинная целина» Шолохова, «Летят Из Толстого», «Соть» Леонова, «Время, вперед!» Батаева, «Бруски» Найендорфа, «Рассказ о великом плане Ильина», «Гидроцентраль» Шагиняна, «День второй» Эренбурга.

Страна подумала о том, что только за последний год-полтора вышли в свет: «Русский лес» Леонова, «Лихая година» Гладкова, «За правое дело» Громесмана, произведения, которые можно назвать значительными явлениями русской прозы. И вышли в свет такие хорошие книги, как «Балтийское небо» Н. Чуковского, «Писатели» Гранина, «Сердце друга» Э. Казакевича, «Повесть о директоре МГС и главном агрономе» Г. Николаевой и цикл очерков Овечкина. (Аплодисменты).

В большинстве своем эти книги новые, а роман «За правое дело» и повесть «Сердце друга» переработаны авторами, результатом критики, которой подверглись эти произведения. Теперь эти книги по праву занимают свое место среди лучших книг истекшего года. (Аплодисменты).

Я называл только 8 книг самого последнего времени, и любой литератор с отзывающим сердце хулиганом и вызванным отношением к литературе не сможет отрицать, что называемые мною произведения — от отдельных недостатков, свойственных им, — открывают новые области жизни и отношения людей и являются настоящими произведениями большой литературы. Нужно видеть живой процесс развития литературы, а не подменять его обобщенными формулировками.

Литература отстает от жизни. Да, это верно, если применить ко всему созданному нами всю меру народного подвига. Но советская литература тем и сильна, что в ней всегда были, есть и будут писатели относительно старших поколений и писа-

В нас, советских писателях, партия видит борцов за великие идеи гуманизма, против империалистической идеологии, борцов за мир и дружбу народов. Партия горчит нам о том, какой духовной силой может стать наша литература в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей, напоминает нам о ненизримо возросшей общественно-преобразующей и воспитательной роли советской литературы, о том, что «наша литература признается не только отражение новое, но и всемерно помогает ее победе».

Многие недостатки нашей литературы действительно происходят от того, что не мало писателей искажают жизнь, оторванную от нее или изучают жизни иностранных, а мы должны видеть ее глазами страсти борцов за коммунизм.

В развернувшейся перед съездом дискуссии о лирике я лично больше склонен поддержать Ольгу Бергольц (апплодисменты), но именно с той позиции, о которой и только что сказала. Не только в области лирики, во всех областях художественного творчества писатель должен вкладывать в дело познания и отображения жизни всего себя, весь разум и сердце, всю свою любовь к нашим советским людям и неистощимому идеалу, что менят нашим движению вперед. О чем бы писатель ни говорил, какие бы стороны жизни он ни отражал, он все это должен вложить свою собственную биографию. (Аплодисменты).

Такое понимание литературы не только не противоречит марксистско-ленинскому пониманию ее, как отражения объективной действительности, а, наоборот, только с этой позиции и можно правильно понять жизнь и вызвать настоящее чувство в человеке. (Аплодисменты).

И приветствуя прозвучавший с трибуны следы призыва писателя Овечкина: «Ближе к жизни!», я согласен с ним даже и в том, что многие писатели полезно бы поблизу познакомиться с различными районах нашей необыкновенной страны, где писатель так ждет и где их так любят. Но все-таки дело не в том, кто где живет. Писатель, влюбленный в жизнь, в темп ритма борца всегда и везде найдет новое, существоует ли такая «теория»?

Если напишут писатели и критики, пытающиеся утвердить эти слабости многих наших писателей формуулой «так, мол, и надо», это еще не «теория», то теория тоже еще нужно доказать.

Если она, эта «теория», существовала, то ведь она разоблачена уже три года тому назад. Почему же, однако, сдвиги, происходящие в нашей драматургии, так еще незначительны? Нет, видно, дело не в «теории». Можете ли вы представить себе Ленина, чтобы он писал свою романы и драмы без конфликтов? Как вообще могли быть созданы лучшие произведения советской прозы, поэзии, драматургии, если не понимали, что конфликт лежит в основе большинства произведений различных жанров литературы, и не умели выражать его художественными средствами?

Нет, товарищи, не будем оправдывать своих слабостей какой бы то ни было книжной «теорией».

Если в наших издательствах и учреждениях, ведающих искусством и литературой, включая и Союз писателей, были люди, и должно быть, еще есть они, — которые

и способствуют тенденции в приурочивании

к приурочиванию

и отсутствии

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТИКОВ СЪЕЗДА

Речь А. А. ФАДЕЕВА

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

навешивать политические ярлыки на своих так называемых «противников». (Аплодисменты).

Здесь, на съезде, немало, и часто спортивно, критиковали работу Союза писателей. Но писатели должны знать, что в ряде ошибок и искажений в оценке идейных позиций писателей, в оценке произведений сыграла дурную роль групповина.

Надо, чтобы работники редакций наших газет и журналов понимали, что в нашей среде есть пока что писатели, страдающие этой «детской болезнью» групповины, и учиться им, что выступления этих, не столь уж многих представителей советской литературы с критическими статьями на страницах печати могут быть необъективными и нуждаются в тщательной пропаганде.

Конечно, печать не выполняла бы своей роли, если бы она не помогала советским писателям и всей советской общественности своевременно вскрывать чуждое и враждебное и исправлять те или иные серьезные ошибки. Но ведь в подавляющем большинстве случаев советская литература, помогая писателям разобраться в своих ошибках, намеряла путем литературыного развития. Тем более недопустима беспаллиционность суждений и приговоров о явлениях литературы, которая превратилась иногда на страницах нашей печати. (Аплодисменты).

Конечно, печать не выполняла бы своей роли, если бы она не помогала советским писателям и всей советской общественности своевременно вскрывать чуждое и враждебное и исправлять те или иные серьезные ошибки. Но ведь в подавляющем большинстве случаев советская литература, создаваемыми честными советскими писателями с их неповторимым индивидуальным творческим лицом, с их особенностью. В большинстве случаев подтверждена, чтобы печать предварительно знакомилась с общественным мнением, мнением писателей и читателей о произведениях. Как ни хороши редакционный коллектив, он не должен брать на себя право решать судьбу произведения.

Надо учить огромное доверие масс, советской общественности к нашей печати.

Известно, например, что перегибы в критике действительных серьезных ошибок писателя Гроссмана в его романе «За правое дело» были в первую очередь допущены нашими писателями. Мы окружены любовью великого советского народа. Героем наших произведений стал человек, вся энергия которого направлена на преобразование и укрепление родной земли во имя счастья всего человечества. Никогда еще с такой силой не звучали слова нашего Горького: Человек — это звучит гордо.

Мы приняли из рук прошлых поколений эстафету гуманизма, и история возложила на нас священную обязанность достичь ее до светлого коммунистического будущего. Время поставило перед нами всемирно-историческую задачу коммунистического воспитания и перевоспитания человека. Что может быть почетнее этой обязанности?

Мы действуем теперь не одни. У нас много союзников и друзей — собратьев по перу. С одними из них нас объединила общая идея защиты мира, возможности мирного сосуществования. С другими нас объединяет отставание демократических свобод, национального суверенитета. Третьи близки нам по родственному пути развития.

Мы можем с полным правом говорить о том, что все честное и живое, что есть и не может не быть в литературе каждой из наций, большой или малой, все это существует две противостоящие группы. Я не очень искушен в таком рода делах, но что-то замечаю, будто меня тянет к себе то одна, то другая сторона. (Смех, аплодисменты).

Надо сказать, что это «очертение» не является каким-то персональным качеством интеллигентского состава секретариата. Это — результат долголетней системы, которая и аппарат союза воспитала в подном послушании только тому голосу, который различается из главного кабинета. (Аплодисменты).

Вот в этом главном кабинете очень давно, пожалуй, с тех времен, когда покинул его Александр Сергеевич Щербаков, друг литературы и писателей, заведовал кафедрой опасной и весьма активной инспекции. Многодетными наблюдениями установлено, что инкубационный период болезни длится около года. Сперва писатели, принадлежащие к руководству, принимают все близко к сердцу, кипят, волнуются, болеют душой. А через год болезнь разносили начинают себя показывать, и тогда входит в свою страшную силу знаменитый аппаратор, решающий порой человеческие судьбы. Появляются кооптированные работники, секретари секретарей, таинственно закрываются двери, а членам президиума секретари холодно сообщают, что идет «закрытый секретариат».

Мне казалось бы правильным создать такую структуру руководства союзом, при которой президиум, во-первых, занимался **литературными делами**, а, во-вторых, **действительно занимался** ими, а не механически подтверждал все, что его имелось в секретариате. Секретариат же должен быть подотчетным президиуму, постоянно действующим исполнительным органом. Президиум вместе с ним секретариат должны перениматься ежегодно на пленумах правления. (Аплодисменты).

У нас уже был удачный опыт, когда во главе союза стала политический деятель с большим партийным кругозором. Я до сих пор не понимаю, почему мы отказались от такой структуры руководства. Думается, что такой товарищ мог бы значительно облегчить работу писателей в управлении большим литературным кораблем и его курсом. (Аплодисменты).

Хочется сказать еще об одном обстоятельстве. С каких-то пор мне чудится, что у нас, в наименее руководстве, вроде существуют две противостоящие группы. Я не очень искушен в таком рода делах, но что-то замечаю, будто меня тянет к себе то одна, то другая сторона. (Продолжение аплодисментов).

Вот я и думаю, что наличие в руковод-

стве объективного, беспристрастного и авторитетного человека будет достаточной гарантой против возникновения каких-либо группировок, которые, как показал давний опыт, ничего, кроме вреда, литературе не приносят. В самом деле, нет ничего лучше, когда лидеры таких группировок начинают создавать свои клубы, окружают себя своими сторонниками и, естественно, по слабости человеческой, имея к «своим» одно отношение, а к «тем» — другое. Мы не можем допускать зародыша такого инкубатора не годного по положению вещей. Ведь если довести групповую борьбу до ее логического конца, то в результате ее литературы произведения будут оцениваться не по способу художественной значимости, а по фамилии автора и принадлежности его к «своему» или «враждебному» лагерю. А это самая большая беда для литературы, ибо в этом случае все благородные критерии заменяются иными, не имеющими отношения к искусству.

Мне думается, одной из главнейших обязанностей нового президиума должно быть постоянное и непримиримое и активное осуждение всех всяческих групп, группочек и группировок. (Аплодисменты).

Единство наших рядов нам теперь особенно необходимо. Иланету нашу снова ликвидируют. Хозяева больших денег готовятся развязать новую мировую войну. Есть опасность, что над Европой снова вспыхнет мертвенною схваткою германской фашизма, добить который нам помешали. Наш долг, долг советских писателей — ежегодно поднимать знамя борьбы за спасение всех миролюбивых сил. Для этого прежде всего надо сплотиться нам самим.

Запада социалистического. Отечества всегда была и будет священной обязанностью советской литературы. На съезде следовало бы обсудить, не следует ли дать оборонной литературе свои журналы, объединить вокруг них военных и флотских писателей.

Товарищи! С нами пытаются говорить «с позиций силы». А мы отвечаем с позиций моцки — многомиллионной мощи советских людей, у каждого из которых бьется в груди мужественное сердце.

Казахская пословица говорит: «Бричка в гнёве — смешна, молящий в гнёве — страшен». На «позициях силы» что-то уж больно много крика. На позициях моцки — скопленной тишины. (Продолжение аплодисментов).

Вот я и думаю, что наличие в руковод-

Речь В. ЕРМИЛОВА МОСКВА

Горький оставил нам такую запись: «Однажды, между прочими вещами словом, Лев Николаевич Толстой сказал: «Что такое талантливый человек? Это прежде всего человек, который любит».

Наша советская литература завоевала свое историческое право называть великой литературы труды многих и многих писателей. Это значит, что критик должен любить труд советских писателей. И поэтому, если критик порицает слабости, скажем, такого произведения, как «Сердце друга» Казакевича, то он делает это во имя утверждения всего того лучшего, что есть в «Звезде» и «Вече на Одре». Если критик разбирает, скажем, слабости такого, с моей точки зрения, нехудожественного произведения, как «Матросы» Первенцева, то он делает это во имя своей любви к «Кочубею». Если критик осуждает слабости романа «За правое дело» Василия Гроссмана, где мне кажется уязвимым сам художественный метод, при котором человек появляется лишь как иллюстрация к историческому событию или эпизоду и мало выражено самооценочное значение каждого данного человека, — то критик критикует слабые стороны этого романа во имя своей любви к «Словоизу», «Степану Болхвуну», к роману «Народ бесмертнен», к очерку о Стalingrade. Если критик отмечает слабости повести «Оттенек», в которой, как мне кажется, автор не сумел убедить читателя в том, что герой, которого автор калужит интересами и значительными, действительно интересны и значительны, если критик отрицает то в этой повести, что ему представляется отрицательным — чтобы утверждение того главного в писателе, что помогло ему создать роман о первой пятилетке, «Бурю», «Девятый вал» и что делает поэтической и антихудожественным и непростительным для автора такое произведение, как «Матросы» А. Первенцева, — непростительным, в частности, потому, что Аркадий Первенцев — автор «Кочубея» и он может писать еще лучше, чем написал «Кочубея».

Сознание стоящих перед нами все-

мирно-исторических задач, отираясь на помощь и руководство нашей любимой Коммунистической партии и ее Центрального Комитета, мы создаем литературу, логичною нашей великой нации и героями которой являются народы и нации, на которых мы живем.

Писатели хотят, чтобы Союз писателей и его новое руководство излечили бы некоторые из наших собратьев по перу от «детской болезни» — групповицы. Мы, люди, долг время находившиеся у руководства делами Союза писателей, в известной мере сами виноваты в том, что эта «детская болезнь» групповицы не получала за последние годы достаточного отпора.

Слабости в работе по идеино-художественному воспитанию писателей, недостатки сознания широкой творческой жизни в Союзе писателей способствовали развитию этой беспричинной групповицы. Следует, однако, сказать, что большинство членов Союза писателей, и прежде всего ведущие кадры нашей литературы, в особенности писатели старших поколений и самые юные слои наших молодых писателей, не страдают этой болезнью.

Вред групповицы состоит в том, что она применивает личные и групповые моменты в оценке явлений литературы, ме-

няет объективную критику этих явлений, разрушает естественные товарищеские связи между писателями, которые при всей разности их творческого лица стоят на общих идеальных позициях. А главным образом вред этот состоит в том, что писатели, увязшие в групповище, склонны выдавать

партия помогла нам за последние время решительно очистить атмосферу всей нашей литературы от чужеродного, мешающего движению вперед от всего национального, глубокого чуждого самому духу советской литературы, от явленных, подобных, например, пресловутой «сурвониции», от групповой мелочности и злобы, от попыток пришибеевского пресечения творческих дискуссий. Партия хочет одного — чтобы было больше хороших книг, чтобы развивалась живая мысль, помогающая росту литературы. И мы должны продолжать эту очистительную работу, ибо она еще не закончена, мы должны устранять все, что мешает рождению новых и новых хороших книг.

Меняется нам, в частности, недостаточное понимание того, что постоянная, повседневная, последовательная борьба за идеи защиты мира, возможности мирного сосуществования.

Наша литература с честью выполняет свою задачу **человековедения**, как определял Горький специфику художественной литературы, и все то, что мешает этой задаче, должно быть замалчиваться, а подвергаться прямой товарищеской критике.

Нельзя вести дискуссии так, как вел свои творческие дискуссии Собакевич, настурнивший людям на ноги. Но все же нельзя вести дискуссии и так, как вел их обходительнейший Навель Иванович Чичиков: «Приезжий наш гость также спорит, но как-то чрезвычайно искусно, так что все видели, что он спорит, а между тем приятно спорить!». Мы должны, имеем в том полную возможность, сдаться в архив все приемы такого критики, которая не исходит из любви к советской литературе. А отсутствие любви может выражаться и в грубости и в вежливом равнодушии. Нам необходимо так построить всю нашу литературу, чтобы товарищеские дискуссии были не эпизодическим явлением, а постоянным методом всей нашей повседневной работы, в известной мере стилем нашей жизни, чтобы любой литератор твердо знал, что критические оценки конкретных произведений, выражавшие мнение данного литератора, данного критика, могут быть реально оспорены другим литератором, хотя бы он спорил с ними поисками **настоящего пути** — поисками, далеко не всегда столь простыми и сиюминутными, как это рисуют в иных недостаточно продуманных недостаточно прочувствованных произведениях.

Можно выбрать в жизни настояще, трудное счастье — **счастье трудных дорог**, как об этом недавно очень хорошо сказала «Комсомольская правда» — и можно выбирать маленькие счастья легких дорог.

Ответы на жизненно важные вопросы не всегда лежат на поверхности, порою юноши и девушки к ним приходится прорываться

и нащупывать в них ответы.

Наша литература с честью выполняет свою задачу **человековедения**, как определял Горький специфику художественной литературы, и все то, что мешает этой задаче, должно быть замалчиваться, а подвергаться прямой товарищеской критике.

Нельзя вести дискуссии так, как вел свои творческие дискуссии Собакевич, настурнивший людям на ноги. Но все же нель-

зя вести дискуссии и так, как вел их обходительнейший Навель Иванович Чичиков: «Приезжий наш гость также спорит, но как-то чрезвычайно искусно, так что все видели, что он спорит, а между тем приятно спорить!». Мы должны, имеем в том полную возможность, сдаться в архив все приемы такого критики, которая не исходит из любви к советской литературе. А отсутствие любви может выражаться и в грубости и в вежливом равнодушии. Нам необходимо так построить всю нашу литературу, чтобы товарищеские дискуссии были не эпизодическим явлением, а постоянным методом всей нашей повседневной работы, в известной мере стилем нашей жизни, чтобы любой литератор твердо знал, что критические оценки конкретных произведений, выражавшие мнение данного литератора, данного критика, могут быть реально оспорены другим литератором, хотя бы он спорил с ними поисками **настоящего пути** — поисками, далеко не всегда столь простыми и сиюминутными, как это рисуют в иных недостаточно продуманных недостаточно прочувствованных произведениях.

Можно выбрать в жизни настояще, трудное счастье — **счастье трудных дорог**, как об этом недавно очень хорошо сказала «Комсомольская правда» — и можно выбирать маленькие счастья легких дорог.

Ответы на жизненно важные вопросы не

всегда лежат на поверхности, порою юноши и девушки к ним приходится прорываться

и нащупывать в них ответы.

Наша литература с честью выполняет свою задачу **человековедения**, как определял Горький специфику художественной литературы, и все то, что мешает этой задаче, должно быть замалчиваться, а подвергаться прямой товарищеской критике.

Нельзя вести дискуссии так, как вел свои творческие дискуссии Собакевич, настурнивший людям на ноги. Но все же нель-

зя вести дискуссии и так, как вел их обходительнейший Навель Иванович Чичиков: «Приезжий наш гость также спорит, но как-то чрезвычайно искусно, так что все видели, что он спорит, а между тем приятно спорить!». Мы должны, имеем в том полную возможность, сдаться в архив все приемы такого критики, которая не исходит из любви к советской литературе. А отсутствие любви может выражаться и в грубости и в вежливом равнодушии. Нам необходимо так построить всю нашу литературу, чтобы товарищеские дискуссии были не эпизодическим явлением, а постоянным методом всей нашей повседневной работы, в известной мере стилем нашей жизни, чтобы любой литератор твердо знал, что критические оценки конкретных произведений, выражавшие мнение данного литератора, данного критика, могут быть реально оспорены другим литератором, хотя бы он спорил с ними поисками **настоящего пути** — поисками, далеко не всегда столь простыми и сиюминутными, как это рисуют в иных недостаточно продуманных недостаточно прочувствованных произведениях.

Можно выбрать в жизни настояще, трудное счастье — **счастье трудных дорог**, как об этом недавно очень хорошо сказала «Комсомольская правда» — и можно выбирать маленькие счастья легких дорог.

Ответы на жизненно важные вопросы не

всегда лежат на поверхности, порою юноши и девушки к ним приходится прорываться

и нащупывать в них ответы.

Наша литература с честью выполняет свою задачу **человековедения**, как определял Горький специфику художественной литературы, и все то, что мешает этой задаче, должно быть замалчиваться, а подвергаться прямой товарищеской критике.

Нельзя вести дискуссии так, как вел свои творческие дискуссии Собакевич, настурнивший людям на ноги. Но все же нель-

зя вести д

ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Заключительное слово Б. Рюрикова

ПО СОДОКЛАДУ «ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ»

У меня нет возражений против выступлений тт. Виноградова, Благого, Шагиля, Ермилова, Николаевой, Антокова и других товарищеских. Здесь правильно говорилось о значении совместной деятельности Союза советских писателей, научных учреждений, органов печати. Разработка эстетических проблем, развитие литературной критики — это дело большое, и его нельзя вести кампанийскими методами. Нельзя провести кампанию по улучшению критики! Многое будет зависеть от того, сумеет ли наш Союз писателей систематически, последовательно, а не от случая к случаю заниматься этим кругом вопросов.

Ряд товарищеских из братских республик критиковал «Литературную газету» за слабое освещение литературной жизни республики. Это — правильные замечания, и редакции обязаны их учтеть.

Теперь о речи М. А. Шолохова. Выдите ли, я человек обстрелянный, но когда Шолохов открыл для мне яростный огонь, мне было не по себе. Самое тяжелое во всем этом то, что произнес такую речь М. Шолохов, большой художник, которого мы так высоко любим и ценим.

М. Шолохов — писатель, который стоит в ряду самых больших художников России, и мы наизусть знаем многие его картины. Мы помним, скажем, как Григорий Мелехов, похоронив Аксинью, поднял голову и увидел над собой черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца...

И думалось, что, когда творец таких образов будет говорить о советской литературе, это будут слова, идущие от большого ума и большой души. К сожалению, рядом со справедливыми замечаниями и упреками в этом выступлении были слова, которые невозможно принять.

Писатели обязаны требовать и сурово спрашивать с любого работника своего союза, но никому не дано право бросаться безответственными обвинениями. Тов. Шолохов бросил здесь обвинение, что продвижением на литературно-критическом поприще Рюриков обидел Симонову. Зачем это было сказано? Критическая работа моя началась не в «Литературной газете». До работы в этой газете я в течение ряда лет выступала в достаточно известных органах печати, которые ни к Союзу советских писателей, ни к тов. Симонову отношения не имели. Шолохов отказывает Рюрикову в беспристрастности. Все это настолько необоснованно, что на этом можно было бы не останавливаться. Но я хочу сказать, что здесь неправда разоблачается особенно легко, потому что речь идет о газете, а по страницам газеты всегда можно установить, что газета поддерживала, против чего она выступала.

◆ ◆ ◆

Заключительное слово А. Суркова

ПО ДОКЛАДУ «О СОСТОЯНИИ И ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Товарищи! Закончилась десятидневная письменная, посвященная обсуждению главной темы нашего съезда — обсуждению сегодняшнего состояния советской литературы и задач, которые перед ней стоят.

Свыше 140 ораторов, не считая докладчиков и содокладчиков, выступили с трибуны съезда. Мы слышали голоса выдающихся представителей всех братских литератур Союза, голоса представителей литератур великого народного Китая, стран народной демократии, представителей прогрессивных литературных сил капиталистических стран.

Писатели — представители разных поколений и разных жанров литературы — высказали свое мнение о положении литературного дела в нашей стране, вложили свою долю участия в критическое осмысление накопленного нами опыта, участия в критике неустойчивых и неподготовленных, сущест-

ующихся в Совете писателей. Они внесли свои предложения о том, как лучше, плодотворнее организовать жизнь нашего многонационального писательского коллектива, как ближе связать литераторов с повседневным трудом народа, как быстрее устранить недостатки, мешающие нам скорее и полностью ответить на все повышенные требования политической и культурно выросшего большого советского читателя, как жить и работать, чтобы всегда быть верными и надежными помощниками Коммунистической партии в большом и сложном деле формирования личности советского человека — гражданина будущего коммунистического общества.

Сейчас уже есть все основания подвести кое-какие итоги тому, что было высказано нами за эти десять дней.

На Первом писательском съезде мы еще не могли углубиться в критику произведений, написанных за семидесять лет жизни советской литературы. Мы больше занимались утверждением своего первородства среди литераторов мира. Ко Второму съезду мы пришли, имея за плечами огромный — не временем, а по историческому значению — опыт строительства новой литературы, имея в своем распоряжении огромную библиотеку прозы, поэзии, драматургии, кинематографии и критических исследований. Этот гигантский опыт, эту гигантскую библиотеку, вмещающую в себе и хорошие, и отличные, и посредственные, и просто плохие произведения, надо было осмысливать с точки зрения метода социалистического реализма — основного метода советской литературы.

Докладчики и содокладчики на съезде поставили перед собой задачу: дать хотя бы эскизный обзор пути развития нашей литературы, показать ее богатство, которые мы накопили за эти годы, разглядеть хотя общие контуры того нового, что выделяет нашу советскую литературу в общем развитии литературы мира, или попытаться критически подойти к тому, что в виде всяческих барьеров возникло в нашей литературной жизни. Пожалуй, впервые за 37 лет истории советской литературы мы сделали попытку широко говорить о ней, как о едином многонациональном целом. Впереди мы приведем к разговору о судьбах советской литературы, о ее творческом методе, не только опыт русских писателей, но и произведения литераторов других братских народов.

На съездах в братских республиках, на писательских собраниях в Москве, Ленинграде и других городах Советского Союза была на первом месте и разбиралась в дискуссиях деятельность Совета советских писателей. Однако не до съезда, ни с трибуной Второго съезда не разлось ни одного слова, который выразил бы сомнение в целесообразности существования Совета писателей. Наоборот, жесточайшая критика работы руководящих органов союза была проявлена властями, желавшими писателей видеть свою организацию тем активным инструментом демократической организации литературной среды, который обеспечивал бы тесную связь литературы с жизнью народа, широкий свободный обмен мнениями о книгах и рукописях, был организатором здорового, лишенного групповой разобщенности творческого соревнования между различными течениями внутри нашей единой литературы.

Однако, слушая этого критика, защищающего правильный тезис о коллегиальности, я с горечью припоминал, что за 20 лет, которые прошли с тех пор, как он был избран в состав правления Совета писателей, сей критик ухитился не принести ни разу участия ни в одном пленарном Съезде писателей. А другой критик, фамилия которого двадцать лет подряд фигурировала на последних страницах журнала, в составе редакционной коллегии, за этот срок так и не ухитился узнать даже адрес редакции. Перед выборами новых руководящих органов стоит напомнить докладчикам съезда о необходимости учить, что высокое доверие коллектива товарищем по оружью дает людям, почтенным этим доверием, не только право критики зачином членом, но и обязанность рабочего соучастия и ответственности за состояние литературных дел на том участке, на который он поставлен доверием нашего писательского коллектива.

Наоборот, жесточайшая критика работы писательской организации, критика общественных форм деятельности Союза писателей должна подсказать будущему руководству настоящую необходимость устранения из жизни союза всего, что накладывало на деятелей его руководящих органов, его редакций, его издательств некоторый бюрократический налет, что мешало осуществлять полную коллегиальную форму работы.

Я думаю, что мы вместе с товарищем Шолоховым, и с товарищем Эренбургом, и с другими нашими товарищами по общему делу коллегиально уберечем нашу литературу от тех диких ветхозаветных обычаем, которые стоят как раз и так с храбростью, и в честности, как это было в храбром и честном деле Михаила Шолохова, горевшего все об одной той же своей книге, но в разное время и, очевидно, в разном состоянии духа. (Аплодисменты).

Будучи все же, волей-неволей, поставлен перед выбором, я в своей дальнейшей работе скорее уклоняюсь от выбора, потому что не могу выбрать — выбрать кому?

Однако в данном случае последовать такому совету хотя бы собственному, но трудно, потому что не из кого выбирать, потому что один крупный писатель и другой крупный писатель — это все одни и тот же крупный писатель — Михаил Шолохов, горевший все об одной той же своей книге, но в разное время и, очевидно, в разном состоянии духа. (Аплодисменты).

Я взял слово для того, чтобы остановиться на нескольких частных вопросах, которые, однако, на мой взгляд, нельзя было оставить без ответа, прежде всего в интересах нашей дальнейшей общей работы. Ибо спор в литературе — это не спор, а критические высылки писателей друг другу — не путь для препарирования на долгие годы.

Я думаю, что мы вместе с товарищем Шолоховым, и с товарищем Эренбургом, и с другими нашими товарищами по общему делу коллегиально уберечем нашу литературу от тех диких ветхозаветных обычаем, которые стоят как раз и так с храбростью, и в честности, как это было в храбром и честном деле Михаила Шолохова-художника, никогда в жизни не опускался при этом до уровня Шолохова-художника.

Несколько слов о «Литературной газете». Думаю, что эта газета имеет немало недостатков при вынужденном ее редакторе, так же как она имела немало недостатков при предыдущем редакторе. Думаю также, что ее редакторы далеко не всегда проявляют достаточную меру мужества в постановке наиболее острых вопросов литературы. Однако, просто ради справедливости, должен сказать, что как раз за последние полгода газета проявила немало мужества и немало сделала для того, чтобы перед национальным следом, в обстановке свободной творческой дискуссии, писателям могли высказаться на ее страницах по разным спорным вопросам. Высказаться, разумеется, не только для того, чтобы просто высмеять разногласия, как это нам тут предлагал товарищ Альгер, а для того, чтобы определить полезную и плодотворную общую точку зрения на основные решительные вопросы развития нашей литературы.

Думаю также, что когда мы сейчас дружно говорим о многогранности и творческом соревновании различных творческих течений в общем едином русле метода социалистического реализма, то в выяснении этого вопроса — немалая заслуга «Литера-

торской благодарностью идущие от всего сердца пожелания успехов в работе... (Аплодисменты).

Не moltят же враги нашей страны и нашей литературы. По случаю съезда был вытеснен из языка с литературным мусором беломандр Борис Зайцев, который ушел в белогвардейского микрофона слова ядовитой бессильной злобы.

Зауральские «защитники свободы» и по совместительству друзья фашистов Чан Кай-ши, Ли Сын Мана, Франко и гитлеровских выступников Аденauer выпустили на атаки съезда известного белогвардейского писателя Джеймса Форрейла из организации, пародийско именуемой «Конгресс за свободу культуры». Этот «друг культуры» провозгласил в микрофоне «Голос Америки», что наше съезд является «передней линией наступления на культуру со стороны коммунистов». (Смех в зале).

Пресса и радио капиталистических стран подыгрывают все обмывки и недомычки, прозвучавшие с трибуны нашего съезда, чтобы в угодном им свете истолковывать их характер. Когда же не хватает обмыва (а их было не так много), они по своему произволу толкуют и комментируют то, что наши ораторы на этом съезде говорят. Ну, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уважаемых членов наших союзовых писателей старшего поколения, особенно проживающих в Москве, существует некоторый отрыв от народной жизни, потеряя контакта с людьми, которые могли бы быть героями их книг. Но, попытавшись обновить свою правильную мысль, тов. Овечкин, в числе прочего, сказал, и якобы неправду в отношении к большому отряду уваж

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТИКОВ СЪЕЗДА

◊ ◊ ◊

От имени Лиги арабских писателей
Ливана, от имени свободолюбивой интеллигенции всех арабских стран я приветствую этот великий, исторический съезд. (Аплодисменты).

Уважаемые друзья! В эти дни каждый писатель моей страны, каждый мой соотечественник, в котором горят стремление к борьбе за человеческое достоинство, за благородство мыслей, за красоту жизни, за счастье людей, за мир, который может положить конец страху и отчаянию, с волнением следит за работой вашего съезда. Наши прогрессивные писатели, народ моей страны глубоко убеждены, что съезд, состоявшийся советскими писателями и подводящий итоги двадцатилетнего великого и славного опыта, опыта борьбы и созиания, выдвинет на первое место вопросы жизни, мира и любви к человеку. (Аплодисменты).

Ваша литература, начиная с Льва Толстого и Максима Горького вплоть до сегодняшнего дня, неизменно является для нас источником вдохновения. Ливанские писатели верят, что результаты этого съезда будут новым величайшим источником вдохновения для каждого арабского писателя, вступающего вместе со своим народом в борьбу за свободу, в тяжелую борьбу, которую арабский народ ведет сегодня против империализма.

Наши прогрессивные писатели верят, что на этом съезде советские писатели коснутся и вопросов, связанных с подавлением человеческой мысли в странах Арабского Востока и в других капиталистических странах мира, которое осуществляется самыми разнообразными приемами маккартизма и деспотизма.

Империализм и его агентура изощряются в изобретении различных средств и способов, чтобы помешать прогрессивным арабским писателям осуществить свою национальную миссию на нынешнем историческом этапе. Империалисты и их пособники препятствуют сближению с литературой Советской страны, со всеми другими прогрессивными литературами, в то же время поощряя писателей-индивидуалистов.

Разрешите мне от имени монгольских писателей, от имени всего монгольского народа приветствовать съезд советских писателей и пожелать съезду, чтобы он впередом отдал прогрессивной литературе мира, и представителям прогрессивных литератур всех стран мира, чтобы они вынуждены немало времени и сил уделять различным другим занятиям для того, чтобы прокормить себя и свои семьи. Кроме того, они испытывают в большинстве стран Арабского Востока голодный гнет и подвергаются преследованиям. И тем не менее, они не отступают ни в одном сражении.

Прогрессивные писатели стремятся к возрождению культурного наследия арабов на новой, прогрессивной основе. Они переводят на арабский язык все лучшие произведения мировой литературы и особенно произведения советской литературы, отражающие поступательное движение истории, героический подвиг народа.

Недавно, в сентябре этого года, в столице Сирии состоялся съезд писателей арабских стран, созданный по инициативе сирийских писателей.

Этот съезд является крупной победой

ливанской борющейся прогрессивной литературы уже по одному тому, что он впервые объединил всех прогрессивных писателей арабских стран. На съезде в Дамаске были затронуты многие литературные проблемы. Наиболее важная из них — проблема связи литературы с жизнью. Съезд выработал Устав, в котором определил задачи и цели прогрессивной литературы арабских стран, исходя из главных принципов социалистического реализма.

Наиболее важным результатом съезда было создание первой «Лиги арабских писателей», которая объединила писателей всех арабских стран, и организация филиала этой Лиги во всех арабских странах. Подобные филиалы уже созданы в Ливане, Ираке, Трансиордании, Египте, Судане и скоро будут организованы и в других арабских странах. В Лигу и ее филиалы вступают все новые и новые писатели-патроты.

Успех съезда арабских писателей явился побочкой демократических сил в наших странах. Этот съезд встретил горячую поддержку со стороны народа и передовой интеллигенции. Приветствие, полученное национальным съездом из Союза советских писателей, вдохнуло в нас уверенность и силу для грядущих побед. Мы уже двинулись в путь, но перед нами большие препятствия. К тому же наш опыт еще не так велик, как это хотелось бы. (Аплодисменты).

Борьба, к которой мы вступили сегодня, — это суровая борьба. Враг из дня в день становится все более жестоким, поэтому мы тем более нуждаемся в вашем опыте и тем более важен для нас ваш вдохновляющий пример. Мы внимательно следим за работой вашего съезда, где вопросы литературы обсуждаются с позиций социалистического реализма, и нас вдохновляет живой, замечательный опыт вашей литературы, борющейся за человеческое достоинство, за благородство мыслей, за красоту жизни, за счастливую любовь, за спокойствие в мире.

Да здравствует мир!
Да здравствует Советский Союз — твердыня мира! (Аплодисменты).

Речь ДАМДИНСУРЭНА

МОНГОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

В частности, русские советские писатели создали книги о Монголии и представителях монгольского народа, который связан давними узами с нашей страной. В этих книгах выражены принципы активности, напряжения мысли, стремящейся к действительной свободе, а не к свободе бездействия. Эта мысль А. М. Горького стала не только цитатой при выборе книги для перевода, но и руководящим принципом творчества монгольских писателей.

Монгольские писатели повседневно учатся у советских писателей. Под влиянием советской литературы появились не только новые жанры в монгольской литературе — романы, драмы, фельетоны, и новый герой — современный человек, который самоутвержденно трудится на благо всего человечества. (Аплодисменты).

Монгольский народ всей душой стремится познать жизнь Советской страны. Огромную помощь в этом нам оказывает советская литература.

Переведенные на монгольский язык произведения советских писателей «Как захватилась страна» Островского, «Разгром» и «Молодая гвардия» Фадеева, «Известь о настящем человеке» Полевого, «Дни и ночи» Симонова, стихи Джамбула, Исаевского, Расула Гамзатова и целый ряд других прозаических и поэтических произведений являются настольными книгами монголов. По книгам советских писателей наши трущебные ученики по-новому работают и жить строят новое, социалистическое общество.

Но монголов читают не только произведения советской литературы — им знакомы и произведения русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова, Горького, а также и произведения западноевропейской классической литературы — Шекспира, Лопе де Вега, Монтескье, Гейне и современная прогрессивная литература Запада и Востока. Недавно издан на монгольском языке «Отель» Шекспира, издается «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого.

В 1925 г. монгольские писатели обратились к Алексею Максимовичу Горькому с письмом, в котором был поставлен вопрос о принципах отбора художественных произведений для перевода на монгольский язык. На это А. М. Горький ответил большим письмом, в котором писал: «...мы

«Объединимся, чтобы добиться запрещения атомного оружия»

Письмо японской учительницы

всего советского народа. Но нельзя отрицать того, что Тидзуко Томидзака, что в Японии есть еще немало людей, которые

«недоверяют нашему народу, выразившим свое мнение о запрещении атомного оружия и установлении дружбы между народами. Некоторые газеты начали эти письма. Они вызвали широкий отклик, и Тидзуко Томидзака получила много ответов простых людей из Америки и других стран. Различные ответы, написанные разными людьми, но почти все ссыпались в одно: оружие массового уничтожения должно быть запрещено.

«Мысль об ужасном оружии не давала нам покоя ни днем, ни ночью в течение последних двух лет с тех пор, как японские рыбаки. Этот случай вызвал всеобщий гнев и протесты в Японии, и борьба за запрещение атомного оружия приобрела теперь особенно широкие размеры. Она из форм этой борьбы — обращения и письма общественных организаций и отдельных японских граждан в Организацию Объединенных Наций, к правительству и в комитеты защиты мира различных государств, в краинейших общественных и государственных деятелях с призывом содействовать успеху борьбы за объявление все японской оружия массового уничтожения.

Недавно такие письма из Японии от сторонников мира поступили в Советский Комитет защиты мира. Одно из этих писем написано 25-летней японской учительницей Тидзуко Томидзака.

«Дорогие друзья! — пишет Тидзуко Томидзака. — Темные тучи собирались над головой, кипящей людей на земле, настолько такой же беспросветной, но ни один японец не может оставаться бездейственным, не может не пытаться

противостоять этой новой опасности японского народа встретить активную поддержку всех миролюбивых наций и прежде

этот призыв обращен непосредст-

США и Англия грубо третируют Францию

Францию и накануне отложили скрыть разочарование и растерянности. В Вашингтоне удрученные тем, что изменили возвращение германского милитаризма настолкнулись на сопротивление Франции. Признание этого можно найти в заголовках и комментариях газет, в высказываниях политических деятелей США и Англии. Одна из американских газет называла 24 декабря — день, когда французский парламент отверг главную статью парижских соглашений и высказалася против ремилитаризации Западной Германии, — черной пятницей. «Голосование в Нарисе против Эйзенхауэра, «Бонни встречен французским голосованием», «Это крупнейшее поражение для Запада», — пишет «Нью-Йорк таймс».

В том же упомянутом тоне выдержаны и рассуждения английских газет. Дипломатический обозреватель газеты «Санди таймс» сообщает: «Известие из Парижа поразило английское правительство, как удар грома». «Санди таймс» замечает:

«Рождество пришло и ушло, снова оставив разочарованных деятелей НАТО без поддержки, которой они с такой надеждой ожидали в течении нескольких лет».

Пожалуй, наиболее образно охарактеризовала поражение американской дипломатии в эти дни газета «Чикаго трибюн», вспоминая, что «государственный департамент является автором сценария, в котором занавес постоянно подает не тогда, когда надо...».

Действительно, сценарий на тему «западноевропейский союз», тщательно разработанный госдепартаментом после проявления французского парламента не решалось 24 декабря поддержать программа возрождения германского милитаризма именно потому, что на депутатов Национального собрания оказала огромное влияние разумные заявления, которые избегают создания какой-либо видимости (!) или даже вмешательства в европейские дела». Иными словами, американские правильные граждане вновь пытаются добиться осуществления своих агрессивных замыслов в Европе руками европейцев.

Причем этот не нов. Напомним, что план «европейской армии» был первоначально выдвинут французской этикеткой и носил название «план Плевена», что, однако, не спасло его от скромнительного поражения. После провала этого плана, для того, чтобы успокоить французское общественное мнение, Англия выделила привлекательную к созданию «западноевропейского союза». Но и новый вариант, сущий в этом новом варианте вооружения Западной Германии, не сработал и был отвергнут парламентом Франции.

Нынешний совместный англо-американский план на Францию вызывает отклики, прямо противоположные тому, которого хотел бы добиться Вашингтон. Французская общественность возмущена давлением и вмешательством во внутренние дела Германии, не считаясь с волей Франции.

Борис Юнайтед Пресс призывает к поддержке Западной Германии, не считаясь с волей Франции. Корреспондент агентства Юнайтед Пресс Галбрейт запугивает французов тем, что «Германия должна быть вооружена, несмотря на любые действия, которые предпримет Франция, чтобы помешать этому».

Как видно, провал американской дипломатии был настолько неожиданным и отгульным, что заинтересовало пропагандистов. Они сообщают, что США намерены немедленно приступить к вооружению Западной Германии, не считаясь с волей Франции. Корреспондент агентства Юнайтед Пресс Галбрейт запугивает французов тем, что «Германия должна быть вооружена, несмотря на любые действия, которые предпримет Франция, чтобы помешать этому».

Как видно, провал американской дипломатии был настолько неожиданным и отгульным, что заинтересовало пропагандистов. Они сообщают, что США намерены немедленно приступить к вооружению Западной Германии, не считаясь с волей Франции. Корреспондент агентства Юнайтед Пресс Галбрейт запугивает французов тем, что «Германия должна быть вооружена, несмотря на любые действия, которые предпримет Франция, чтобы помешать этому».

Вопреки запугиванию и давлению американской дипломатии, воинки различных национальностей и ухищрений, во Франции продолжают нарастать движения против проявления агрессивного вермахта. В знак решимости помешать вооружению Западной Германии французские труппы вновь выступают в эти дни кратковременные забастовки. На улицах и площадях городов Франции проходят демонстрации. Французские патриоты одобряют действия тех депутатов Национального собрания, которые

учли 24 декабря волю народа и голосовали против парижского соглашения.

Независимо от дальнейшего развития событий во Франции, несомненно, что возрождение германского милитаризма ненавистно подавляющему большинству французского народа. Широкий круг французской общественности настаивает на отклонении парижских соглашений, на создании общеевропейской системы коллективной безопасности, на укреплении дружбы и сотрудничества с Советским Союзом.

А. БЕЛЬСКАЯ

Французские патриоты собирают в Париже подписи против вооружения Западной Германии.

Снимок из газеты «Теглихе рундшау»

«Менес-Франс и Даллес встречаются» — такой выразительный подпись сопроводило французское агентство Интерконтиненталь этот снимок, сделанный в Париже, во дворце Шайо, во время недавней сессии совета Северо-Атлантического блока. Прошло несколько дней, и Национальное собрание Франции большинством голосов высказалось против американского плана вооружения Западной Германии. «Удары в Вашингтоне», — пестрят заголовки свежих номеров американских газет.

Американские фотокорреспонденты, обслуживающие госдепартамент США, имеют все основания повторить сегодня под своими снимками подпись, сделанную неделю назад их французским коллегой.

Фольксштурм Аденауэра

Буржуазная западноевропейская газета «Франкфуртер альгемайн» опубликовала недавнюю статью, в которой было сказано:

«Двенадцать дивизий, которые мы должны создать, будут постоянно использовать в оперативном порядке. Они должны стать инструментом атлантического командования, инструментом мобильным, который будет весьма эластично использован на территории Европы».

Но если западноевропейские солдаты будут рисковать на континенте, то кто же будет нести службу внутри страны и охранять устои боннской «демократии», по-мимо полиции и оккупационных войск? На это у газеты имеется готовый ответ:

«В дополнение таким мобильным немецким войскам нужно создать терриориальные части... Итак, в Германии, если наша ремилитаризация не только является частью американской стратегической концепции, но и предсказывает цель обороны республики (во что, вероятно, и сам автор статьи не очень-то верит! — Ред.), наряду с мобильными дивизиями, подчиненными генералу Грюнери, необходимо создать подобие ополчения».

Господам из «Франкфуртер альгемайн» явно не терпится: еще не создано время, в котором они уже требуют «подобие ополчения».

Из откровений западноевропейской прессы становится ясно, что боннские правители отнюдь не намерены ограничиться созданием 12 дивизий...

Н. В. Ильин

Умер Николай Васильевич Ильин — выдающийся мастер советской книжной графики. С именем Н. В. Ильина связаны крупнейшие достижения в области советского графического искусства. Ему принадлежит оформление более трех тысяч книг писателей-классиков и современных писателей. Многие его работы получили заслуженное признание советской общественности.

Н. В. Ильин родился в 1894 году в Нижнем Новгороде. В 1916 году он окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. С этого времени началась творческая деятельность Н. В. Ильина. В течение нескольких лет он работал в полиграфических предприятиях Нижнего Новгорода, а в дальнейшем руководил художественными отделами Детгиза и Гослитиздата. Ряд его графических произведений был премирован на всесоюзных и международных выставках.

Свою творческую работу Н. В. Ильин начал с широк